

ОХАНСКАЯ СТРОФОНА

*Еженедельная общественно-политическая
газета*

Оханского

информационно-издательского центра

Краевой конкурс

имени А.П. Гайдара - 2025

номинация

«Журналист газеты Пермского края»

Журналист – Светлана Еловикова

г.Оханск

2025 год

В оргкомитет краевого
конкурса
имени А.П.Гайдара

Информация об авторе

Еловикова Светлана Николаевна, 10.12.1948 года рождения, корреспондент газеты «Оханская сторона» Оханского информационно-издательского центра, стаж работы по данной специальности более 30 лет.

В газету пришла из большого рабочего коллектива Оханской швейной фабрики, где трудилась 25 лет: помощником мастера, бригадиром, старшим мастером. Много времени уделяла общественной работе. В то же время была активным работником районной газеты. Рассказывала о жизни фабрики и конкретно о делах своей родной бригады.

Окончила филологический факультет Пермского госуниверситета, затем факультет международных отношений университета марксизма-ленинизма. В 90-е годы, когда предприятие еле теплилось и приказывало «долго жить», меня пригласили в газету, для которой я была уже не новичком.

И все-таки не сразу все получалось. Училась у своих коллег, более опытных журналистов. С 2018 по 2024 годы выпустила три книги «На житейских перекрестках», «Если б не было войны» и «В стремительном потоке», куда вошли очерки, напечатанные в газете «Оханская сторона» в разные годы.

В 2004 году стала лауреатом всероссийского конкурса «Золотое перо России» в номинации «За журналистское мастерство» по итогам 2003 года, в 2019 году награждена Грамотой Союза журналистов России.

Лауреат литературной премии имени А.Фадеева союза писателей, лауреат всероссийских конкурсов: «Друзи с финансами», Пенсионного фонда России,

Обладательница Гран-при областного конкурса журналистов «Золотой абзац», неоднократный лауреат конкурсов, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, лауреат и дипломант краевых конкурсов «Журналистская весна» в разных номинациях.

С.Н. Еловикова, член Союза журналистов России

Рабочий телефон: 8-34-279-3-26-17, мобильный: 8-950-474-41-81.

Баба Шура

«Бабий Яр» - о нём написаны книги, поставлен фильм. Более 150 тысяч человек там были расстреляны, большая часть из них – евреи. Теперь уже не осталось живых свидетелей тех дней, но «Бабий Яр» живёт в памяти потомков тех, кого расстреляли на окраине Киева осенью 1941 года.

Лицо в «овражках»

Ярослава с рождения жила с бабушкой в деревне, а родители - в городе. Они работали, а по выходным приезжали с сумками, полными продуктов, чтобы на неделю хватило.

– Да куда ж вы столько возите? – сокрушалась бабушка. – Нечто мы обжоры какие?

– Мама, мы считаем, что ты не должна ни в чём нуждаться, – говорил ей папа. – Отъедайся за все военные годы, когда тебе приходилось голодать. Что не съедите сами, соседок угостите, им тоже несладко пришлось.

Ярослава больше всего ждала, когда мама напоследок откроет волшебную сумочку, где всегда были сладости для неё. Бабушка обычно не давала всё съесть сразу, а убирала от неё подальше, чтобы «заворот кишок» не получился.

В доме бабушки, в отдельной комнатке жила ещё одна старушка. Она не приходилась родственницей никому, но, сколько девочка помнит себя, столько и эту бабушку. Баба Шура говорила мало и редко, её лицо было будто в овражках, а по цвету серым, к тому же – всегда угрюмым. Бабушка редко оставляла Ярославу с ней. Но иногда, уходя ненадолго в магазин или библиотеку, просила бабу Шуру приглядеть за внучкой. Девочке обычно в угол забивалась, ей казалась, баба Яга пришла.

– Славочка моя, ты не бойся бабу Шуру. Знаешь, какая добрая у неё душа, просто внутри всё выгорело от горя.

– Бабушка, а как она тогда живёт, если внутри ничего уже нет? Она что, волшебница?

– Ну, можно и так сказать. Когда будешь постарше, я тебе расскажу, а сейчас ты не поймёшь. Баба Шура ведь никого не обижает, она только сейчас с нами увидела спокойную жизнь, не обижай её.

Так и жили втроём. С каждым днём баба Шура становилась всё неразговорчивей. Она часто на рассвете выходила во двор и долго стояла, глядя в ту сторону, откуда должно появиться солнце. Потом кланялась ему и заходила в дом. Девочка однажды спросила, зачем она это делает. На что баба Шура только усмехнулась и даже не раздевшись, проковыляла в свою комнату.

Когда Ярослава пошла школу, её увезли в город, но всякий раз, если родители ехали к бабушке, она просилась с ними. Скучала по бабушке и, как ни странно, даже по бабе Шуре.

Однажды, во время зимних каникул, девочка осталась в доме одна. Обе старушки отправились к машине с флюорографом, приехавшей в деревню. Ярослава решила обследовать комнатку бабы Шуры. Кроме кровати, небольшого стола, старого шкафа для одежды, да венского стула, другой мебели не было. На подушке лежала изрядно потрепанная книга с пожелтевшими страницами, которая называлась «Бабий яр». И запало в душу девочке название книги. Она потом обращалась и в школьную, и городскую библиотеку, но такого издания в то время там не оказалось. Постепенно она о нём забыла.

Прошло несколько лет. Ярослава училась уже в восьмом классе, когда позвонила бабушка и сообщила, что не стало бабы Шуры. На похоронах было людей немного, её мало, кто знал, она никуда не ходила, дружбу ни с кем не водила, а если разговаривала, то только с бабушкой. Вечером бабушка и поведала внучке тайну бабы Шуры.

– Знаешь, внученька, баба Шура спасла мне жизнь, и я не могла оставаться равнодушной к её судьбе, когда нашла её, уже будучи взрослой, в доме инвалидов под Киевом.

Тайна

Баба Шура родом из большой еврейской семьи, проживавшей в Киеве. Когда началась война, эвакуироваться не успели, очень уж быстро фашисты пришли в город. В первые дни оккупации города нацистские власти отдали приказ о том, чтобы еврейское население к восьми часам утра явилось в назначенную точку сбора с документами и ценными вещами. За невыполнение приказа полагался расстрел. Люди пришли, большинство из них составляли женщины, дети и старики (взрослое мужское население было призвано в армию). Кроме евреев были представители других национальностей из интернациональных семей.

20-летней Александре Шурберт тоже предстояло явиться

в пункт сбора, но ещё накануне она ушла на несколько дней к подружке, с которой вместе училась в педагогическом институте. Черноглазая, с тёмно-русскими вьющимися волосами, высокая и статная, Александра притягивала взоры прохожих. Мимо такой красавицы мужчины не проходили, заглядывались. Когда вернулась, в квартире никого не было, от старика, что сидел во дворе, узнала о приказе явиться на пункт сбора.

У неё жизнь только начиналась. Александра не хотела никуда идти, да и не очень она походила на еврейку, отец её был из поморов, его арестовали в 1939 году, с тех пор о нём не было в семье никаких известий. На другой день во время обстрела прямо на улице погибли соседи, не добежав несколько шагов до дома. Она пригрела троих малолетних сирот, ещё не зная, что её родные в первый же день сами ушли на пункт сбора, как послушные овечки на закланье.

Немцы и их приспешники рыскали по домам, выискивая евреев. Всякий раз Александра с ребятами успевала спрятаться. Но однажды она, оставив детей одних, пошла на рынок, чтобы обменять вещи на хлеб. Вернувшись, не нашла детей. Ей сказали, что полицаи их увезли на мотоцикле. Александра направилась прямо к пропускному пункту и у одного из дежуривших полицеев спросила, не привозили ли в этот день троих детей. Он оценивающе поглядел на неё и спросил, что будет иметь, если скажет. Она отдала ему золотые серёжки, больше ничего не было.

Полицай повёл её за огромный овраг, где всё было оцеплено, в нескольких шагах друг от друга сидели пулемётчики. Отойдя на почтительное расстояние, чтобы не попасть на глаза тем, кто стоял в оцеплении, они из-за травы смотрели, как на край обрыва палками загоняли раздетых людей, а пулемётчики своё дело знали. Александра поняла – такая же участь ждёт всех, кто пришёл на эту «кухню».

Девушка не знала, что предпринять. А полицай понимал, что она из евреев и хотел получить награду за её поимку. Под страхом смерти тащил её обратно на пропускной пункт. Спасли девушку танки, что двигались по улице. Александра сумела проскочить между ними и скрыться за зданием. Полицай просто не ожидал

от красавицы такой прыти и не успел вовремя среагировать.

Вернувшись домой, она упала на кровать и завывала, как раненая волчица. Это продолжалось в течение нескольких часов. Ей было всё равно, придут за ней или нет, для неё жизнь была окончена. И вдруг ей показалось, что кто-то скребётся в печи, и защёлка на дверце как-то странно дёргается.

Она встала, открыла дверцу, и оттуда выпал чёрный от сажи ребёнок. Ударившись об пол, сразу заплакал во весь голос. Александра от неожиданности была в ступоре. Она узнала Катю, одну из соседских детей, которых пригрела. Но кто запрятал девочку в печь? Скорей всего, её шестилетний брат, который хотел спасти сестрёнку. Теперь она понимала, что в ответе за эту полуторагодовалую девчушку. Девочка хоть и не была еврейкой, но её надо было спасать. Александра отмыла ребёнка, выстригла девочке волосы. Перебралась в полуразрушенный домик на окраине города, где хозяева покинули жильё. Несколько месяцев они жили спокойно. Но потом и к ним начали время от времени наведываться полицаи для порядка. Девушка старалась выглядеть как можно старше, носила тёмный платок, спрятав под них свои шикарные волосы, старушечью кофту с вытянутыми рукавами и юбку до пола.

Клаус

Когда в очередной раз в дом пришли полицаи и пригласили явиться в управу, чтобы встать на учёт, женщина поняла – увезут в Германию, об этом она слышала. Вместе с полицаями был довольно молодой немецкий офицер. Он «положил глаз» на женщину, которая явно скрывала свою красоту и старалась казаться старше своих лет. Поэтому не отказал себе в удовольствии неожиданно навестить её вечером. Александра мыла ребёнка, была в простом сарафане, а волосы собирала в пучок. Она была красива. Немец, извинившись за вторжение, сразу представился Клаусом. Русский язык он знал, так как за несколько лет до войны окончил один из вузов города Ленинграда и получил профессию психолога.

В отличие от полицеев и немецких чинов, Клаус держался пристойно. Он принёс продукты, понимая, что в доме ничего съестного, скорей всего, нет.

Угостил девочку шоколадом. Пока пили чай, рассказал немного о себе. Не скрыл, что имеет далеко идущие планы в отношении женитьбы на Александре. Готов удочерить девочку.

Александра решила использовать это в своих интересах. Она спросила, имеет ли Клаус возможность увезти её вместе с Катей подальше от Киева вглубь страны. Офицер долго доказывал ей, что лучше будет, если он отправит их к своим родным в Баварию. Но Александра была непреклонной, ссылаясь на незнание немецкого языка и родственников, которые, якобы, их ждут в Воронежской области. Она пообещала просто оставить Катю и вернуться обратно. Девочка из-за перенесённого стресса вообще не разговаривала, хотя прошло более полугода, как они находились вместе.

С первой же оказией Клаус, снабдив Александру нужными документами, отправил её с Катей под присмотром денщика на поезде в восточном направлении. Поставил условие: она ребёнка оставит родственникам и вместе с денщиком вернётся обратно. Тем более что она сама это обещала.

Часа через два пути поезд неожиданно остановился. Партизаны разобрали рельсы. Пока ждали ремонтную бригаду, пока пути ремонтировали, денщик ни на минуту не выходил из купе. Он понимал, что девушка может сбежать, а Клаус обещал ему, когда они вернутся, отдать свой мотоцикл.

Когда работы были закончены, к ним в купе заглянул проводник и попросил денщика помочь поднять в тамбур несколько ящиков. Александра воспользовалась моментом. Схватив девочку, заскочила в соседний вагон и выпрыгнула на землю с другой стороны состава, паровоз уже дал гудок. Сразу же бросилась в колючие кусты, которые ещё оставались у насыпи. Очень боялась, что начнёт плакать девочка. Они лежали на застывшей земле до тех пор, пока поезд не ушёл. Вокруг всё было спокойно, и Александра медленно подняла голову.

Спасение Кати

Девушка встала, увидев вдали очертание какого-то строения, направилась к нему. Взойдя на пригорок, увидела, что это селение Константиновка, о чём прочитала на табличке возле крайней избы. Она постучала в окно покосившейся от времени хаты. Дверь открыла старушка и впустила незваных гостей в дом. Согревшись от горячего чая и варёной картошки, Александра рассказала хозяйке о своих злоключениях. На другой день в дом пришёл полицай, оказавшийся сыном старушки, его звали Семёном. Он посмотрел документы, и на просьбу старушки помочь пристроить ребёнка, сказал, что обещать ничего не может, но попробует что-нибудь прояснить. Внутренним чутьём девушка поняла, что не зря он работает полицаем, видимо, так надо.

Через день через деревню шли немецкие части, одна из них осталась на ночлег. Немцы заходили в хаты, как к себе домой. Пришлось прятаться в подполе, пока фашисты пили, пели, а потом заснули, кто где. Прошла неделя. Рано утром снова приехал сын старушки и сказал, что ночью ожидается самолёт, есть возможность отправить Катю в тыл вместе с ранеными партизанами. Александра вшила в одежду девочки картонку, на иней указала её данные, которые знала, и добавила свои, на всякий случай. Она прекрасно понимала, она больше с девочкой Катей никогда не встретятся.

Расплата

Шёл конец 1942 года, немцы рвались к Сталинграду. Через Константиновку шли и шли лавиной немецкие части. Партизаны не давали им покоя. Однажды всех жителей деревни согнали к разрушенной церкви, где стояли две виселицы.

Какой-то немецкий чин с огромным животом что-то «пролаял» на своём языке, и каково же было удивление Александры, когда переводчиком оказался тот самый Клаус, знакомый по Киеву, от его денщика она сбежала. Клаус внимательно оглядел негустую толпу и сказал, что теперь гарнизон будет постоянно «охранять покой мирных граждан». В этот день на виселице оказались два железнодорожника, которые, якобы, подрывали немецкие поезда с техникой.

Сын хозяйки, полицай Семён, сообщил о постановке на учёт всех жителей деревни. Предупредил, что Александру записал, как свою жену. Фамилия у неё теперь Коваленко. За те пару месяцев, что Александра жила у его матери, он успел влюбиться в девушку и очень переживал за её судьбу.

Клаус оказался не так прост, денщик, вернувшись в Киев, сказал ему, где потерял женщину с ребёнком. Константиновка была ближайшим селением. Переводчик Клаус остался в деревне. Его часто можно было видеть прогуливающимся возле пруда. На жительство он устроился в доме старосты

вместе с толстопузым офицером. Клаус разговаривал с местным населением, интересовался молодыми женщинами и девушками. Не прочь был пройтись по хатам просто так, для интереса.

И прошёлся. Хозяйка, Семён и Александра трапезничали. Услышав звук шагов в сенцах, Семён вскочил и с оружием подскочил к двери. Александра успела нырнуть за печь. Клаус поздоровался и, отодвинув полицая, прошёл к столу. Спросил, кто ещё живёт в доме. Наверняка заметил, что на столе стояли три кружки, но ничего не сказал. Поговорил с Семёном насчёт облавы на партизан и вышел.

В другой раз Клаус снова пришёл один, внимательно оглядел дом, похвалил Семёна за хорошую службу, спросил, где его жена и ребёнок, которые не так давно вернулись. Об этом узнал у старого соседа. Семён понял – надо самому уходить и мать с Александрой передать в отряд просьбу. Ответ получил через несколько дней. Появившись дома, приказал собрать тёплые вещи и быть готовыми к наступлению темноты к уходу в лес.

Клаус с парой солдат появились раньше и довольно неожиданно. Солдаты остались во дворе, а офицер вошёл в дом. Женщины одевались, Семён чистил ружьё.

– И куда это дамы собрались? – воскликнул Клаус. – Уж, не в лес ли?

Он увидел Александру и подскочил к ней. Сдёрнул с головы шаль, и волосы волнами рассыпались по спине. Он затопал ногами, пытаясь что-то сказать, но от волнения только мычал. Семён спокойно подошёл к нему и сзади приставил к его затылку автомат.

– Не лезь к моей жене, а то хуже будет, слышишь?

Спокойный тон привёл в чувство немца.

– Она у тебя еврейка, – закричал он. – А евреев надо уничтожить. И ребёнка еврейского прижила. Где он у вас, что-то не вижу ничего детского. Я её ещё в Киеве заметил, разведчица она, партизанка.

– Да она сроду из деревни никуда не выезжала. Я её каждый день стерегу, чтобы такие, как ты, охочие до чужих баб, не лезли в семью.

Клаус попросил кружку, достал из кармана фляжку. Все думали, что немец хочет для храбрости шнапса выпить или самогона. Он быстро вылил содержимое в кружку, поднял её, как будто хотел произнести тост, но сказал два слова: «Это расплата», неожиданно выплеснул кислоту прямо в лицо Александре. Солдат, незаметно вошедший в дверь, выстрелил и попал ей в грудь, вторым выстрелом уложил хозяйку. Семён тоже начал палить из автомата, уложив и полицая, и Клауса. Он знал, сейчас сбегутся остальные немцы, ему несдобровать. Наклонился над Александрой, лица, можно сказать, у неё не было, но она дышала. И он, положив её на сани, рванул подальше от деревни.

В отряде оставлять женщину было нельзя. Со дня на день ждали облаву. Оказав первую помощь, её переправили в соседний отряд, где быстрее можно было добраться до тыла.

Александрю вернули к жизни, но жить без лица она не хотела. Её устроили в доминтернат для фронтовиков с условием, что она тут же будет работать дворником, так как ни к фронтовикам, ни к партизанам отношения не имела. Её стали называть бабой Шурой, несмотря на то, что ей было чуть больше 20-ти.

– Бабушка, если баба Шура жила в интернате под Киевом, то как она оказалась здесь, на Урале? – задавала вполне резонный вопрос Ярослава.

Кто моя спасительница?

Прошло двадцать лет. Та девочка, которую Александра отравила в тыл, после госпиталя попала в детский дом Кировской области. Она научилась говорить, жила, как все. После школы-семилетки поехала в училище, стала технологом швейного производства. Вскоре встретила свою судьбу и переехала к нему в Пермскую область.

В детдоме в её личном деле была картонка с именем женщины, которая имела отношение к отправке ребёнка в тыл. Она с мужем начала поиск. Они поехали, прежде всего, в Киев, побывали в домах, адреса которых были указаны в записке. Соседи дома, откуда сбежала в 1941 году Александра с девочкой, рассказали, что вся семья, кроме самой Александры, расстреляна в Бабьем Яру. Но однажды к ним приезжала старушка очень страшенькая с лица, и тоже интересовалась этой семьёй. Она сказала, что живёт в доме инвалидов для ветеранов войны.

Снова начались поиски. Фамилии Шуберт не было ни в одном интернате. Совершенно случайно они в электричке услышали от фронтовика историю о том, как немецкий офицер обезобразил красивую девушку, которая похожа теперь на старуху. Выспросили, где находится интернат.

Руководство заведением, узнав, зачем приехали уральцы на Украину, очень неохотно отреагировали на просьбу познакомить их с дворничихой. Во-первых, они не знали её настоящей фамилии, она назвалась Коваленко, во-вторых, очень сомневались, что такую страшную женщину можно держать в доме. Тем не менее, знакомство состоялось.

– Александра Фёдоровна, Вы спасли мне жизнь. Это я, Катя. Вы меня помните? Мне было всего полтора года, и я жила с Вами. Мои родители и братья погибли, а Вы меня спасли. Она говорила сбивчиво, не читая на лице бабы Шуры никаких эмоций. Директор вместе с мужем Кати отошли в сторону. Баба Шура погладила женщину по волосам и произ-

несла первую фразу: «Вот и встретились, Катя. Только зачем?». Из глаз старушки потекли потоком слёзы.

– Баба Шура, мы приехали за Вами. Будете жить у нас. Дети выросли. Они Вас не обидят. Живём в красивой деревне на Урале. Лес кругом. Воздух чистый. Соглашайтесь, баба Шура. Ребята скоро уедут учиться в город, и только по выходным будут приезжать.

Не один день провели они в интернате, прежде чем уговорили человека сорваться с насиженного места.

С первого дня баба Шура ни с кем не разговаривала, кроме Кати. Она всё делала молча, но обслуживала себя сама. Её собаки очень любили и кошка постоянно ластилась.

– Знаешь, Катя, животные чувствуют душу человека, – сказал однажды муж. – Смотри, как льнут, и слов никаких не надо.

Больше, чем мама

Дети, предупреждённые заранее, об увеченной войной старушке, относились к ней с уважением, ведь она спасла их маму. Они по просьбе родителей, когда были дома, читали ей книги, потому что видели, как трудно это ей делать самой из-за упавших век.

Домочадцы делали всё, чтобы баба Шура ни в чём не нуждалась, чтобы ей было комфортно в их доме. Они видели, старушка постепенно оттаивала, правда, улыбаясь она так и не научилась, мыщцы, повреждённые кислотой, были стянуты.

– Бабушка, так, выходит, баба Шура – не твоя мама? – воскликнула Ярослава.

– Она мне больше, чем мама, – сквозь слёзы ответила бабушка Катя. – Когда мы встречались с бывшими её соседя-

ми, они говорили, насколько она была красива до войны, сама-то я не помню ничего, маленькая была. У них вся семья была красивая, и вся полегла в Бабьем Яру. Книгу, что ты видела у неё, ей подарили ещё в доме ветеранов войны, когда узнали, что её родные погибли там. Она ничего с собой, кроме этой книги, не взяла. А ты, Славочка, почитай книгу, тебе полезно узнать, через что проходили люди в годы войны.

* * *

Ярослава прочитала книгу, потом смотрела фильм. Много читала о Бабьем Яре в журналах, съездила в Киев, побывала на том страшном месте, где убивали людей. Ров, в котором тысячи советских граждан, стал с 1976 года местом преклонения, там создан большой мемориал.

Когда Ярослава создала семью, то дочку тоже назвала Александрой в честь бабы Шуры, столько пережившей за свою жизнь. Она и ей рассказывала про судьбу старушки, дочь приняла это близко к сердцу, но съездить в Киев уже не было возможности.

Ярослава Григорьевна горько оттого, что всё-таки молодёжь не воспринимает Великую Отечественную войну так остро, как прежние поколения. Далеко от них та война. У кого есть в семье погибшие фронтовики, участники войны или труженики тыла, им легче. Они стараются познать военную жизнь через призму судеб своих родных. А как быть с теми, у кого таких родственников нет, и не было? Радует то, что сейчас с детского сада снова начали воспитывать в детях чувство патриотизма и гордости за свою Родину. Её маленькая правнучка Наташа знает про праздник 9 Мая и знает, что война – это самое большое горе для всех, и люди должны жить в мире.

Светлана Еловикина

Без права на ошибку

Роман Закиров уже не первый раз приезжает из зоны спецоперации в отпуск, и каждый раз у него появляется что-то новое. Казалось бы, совсем недавно мы писали о том, что он стал санинструктором, до этого был стрелком. А сегодня Роман воюет уже в батальоне связи.

Дедовская эстафета

► – Мы стоим под Кременной, – рассказывает он. – Там болота, но на каждом шагу памятники времён Великой Отечественной войны. Не дают нам забыть о своих дедках, которые здесь воевали. У меня дед по отцовской линии был участником войны, вернулся живым. Выходит, я принял от него эстафету.

Роман служит 15 месяцев, причём, 13 из них в штурмовой группе, о чём говорит нагрудный знак с надписью «Штурмовик» – за ратный подвиг. За это время повидал многое. Сам был контужен, но всё обошлось, терял товарищей, но помнит их. В батальоне много ребят из бывшего Оханского уезда: Карагая, Большой Сосновы, есть и чайковцы, одним словом – земляки.

► – В нашей роте 24 человека и довольно молодой командир, лет 30 не больше. Срочников у нас нет, только добровольцы. Бывают и ребята из других республик, например, таджики, но они долго не задерживаются. Примут участие в двух-трёх штурмах, пишут рапорт и уезжают. Их не задерживают, потому что у них нет российского гражданства.

Легко ли находиться постоянно в заболоченной местности, знает только тот, кто в таких местах побывал и прожил не один-два дня. Туда не посылают корреспондентов, не приезжают артисты, потому что участок опасный. Собственно, сейчас везде опасно, военные действия тихими не бывают. Поскольку водоёмов рядом нет, ночами ребята пробраются к болоту и набирают воду для

технических нужд и чтобы помыться. Они ко всему привычные. Конечно, если человек ищет негатив, он его везде найдёт. Трудности есть, но они все решаемые.

– Когда условия лучше, зимой или летом? – спрашиваю Романа.

► – Слово «легче», наверное, неуместно, так как «жарко» в любое время. Конечно, когда тепло на улице, и настроение другое. Живём строго в блиндажах, и больше всего ждём, когда нас отпустят в город. Первое желание – зайти в кафе и нормально поесть. Нет, с продуктами и гуманитаркой у нас всё хорошо, без проблем, просто хочется почувствовать себя обычным человеком, как на гражданке, заказать горячий обед и не спеша, за разговором, посидеть за столом. По одному мы не выходим, что в город, что на переднюю линию, только вдвоём.

Когда нет интернета

Понятно, что связисты в подразделениях обеспечивают связь. Связь – это нерв армии, поэтому без неё никуда. Без связи нет надежного и устойчивого управления, а без управления нет победы.

За время вооруженного конфликта, надо признать, противник в профессиональном плане тоже вырос. Поначалу украинские военные пользовались открытыми средствами связи, наследием советских времен, прослушивать их каналы не вызывало никаких проблем. Сейчас, с приходом в ВСУ западной помощи, средства связи у них тоже стали современными и более защищенными.

Противник прикладывает все силы, чтобы помешать нашим связистам и лишить армию связи. В местах, где служит Роман, интернета нет. Там только проводная связь, называемая «лапшой». Ребятам с катушками через плечо постоянно приходится пробираться к месту повреждения провода.

► – Нам неоднократно приходилось работать под обстрелами, – говорит Закиров. – Несмотря на всё совершенство современных технологий, применяемых как нами, так и ВСУшниками, проводная связь в прошлое еще не ушла. Как и в годы прошлой войны, ее используют потому, что взломать этот канал невозможно, а разорвать можно только физически. Как только противник вычисляет нас, он пытается нанести удар. Бывает, специально обрывает связь, чтобы выманить нас на восстановление разрыва и уничтожить. Враг хитрый, а мы должны быть ещё хитрее. У нас нет права на ошибку, как и у сапёров. Она может стоить жизни сотням бойцов, которые вовремя не получат приказа из-за повреждения связи.

Мы вернёмся совсем другими

У Романа в Оханске семья. Есть сын, который учится во втором классе. Рассказывает ли боец ему о войне?

► – Кое-что, конечно, я рассказываю в общих чертах, а всё ему знать ещё рано. Одно могу сказать: он должен ценить свою Родину и быть её патриотом. Мальчишки – народ дотошный, им героя подавай, а я считаю – все, кто сегодня воюет, герои. И мальчишки поймут это поз-

же. Там, на СВО, я скучаю по родному краю, по баскетбольному мячу, по спортзалу, по друзьям-спортсменам. В дни отпуска наслаждаюсь свободой, участвую в соревнованиях, тренируюсь. А ночами, как ни странно, я снова в блиндаже с рисунками детей по стенам, с мышами и храпящими товарищами. Мы вернёмся домой совсем другими, потому что война меняет человека.

– Роман, а ты чувствуешь в себе какие-то изменения? Может быть, ты стал более жестоким, нетерпимым или в тебе вдруг проснулась ненависть и зло?

► – Нет, я теперь, мне кажется, стал более спокойным, более терпимым. Считаю всех, кто идёт воевать, героями, настоящими мужиками. Причины могут быть разными, в том числе, материальными, что, согласитесь, тоже немаловажно. Я так же лояльно отношусь и к украинцам, с которыми приходится встречаться. Старики ещё помнят Советскую власть, а у молодёжи отобрали не только русский язык, но и достоверную историю России и Украины. Откуда им знать, что наша страна ни на кого никогда не нападала первой, ведь этого нет в их учебниках? Так что спокойно отношусь даже к тем, кто смотрит на нас исподлобья. Как я считаю себя патриотом России, так и они называют себя патриотами Украины. С теми, кто в окопах на той стороне, совсем другой разговор, это наши противники. С ними жёстко надо поступать. Ловлю себя на том, что встречаюсь с жителями Оханска, каждому хочется сказать доброе слово, ободрить. Люблю всех своих друзей по спортивной команде. Впечатлён открытием в Оханске памятника ветеранам боевых действий. Столько народу пришло! Мне, честное слово, было приятно находиться рядом с афганцами

и с теми, кто воевал в Чечне. Чувствовал себя на одной волне с ними.

Не могу не сказать, что на груди Романа медаль «За заслуги в военной медицине». Эту награду вручают военным медикам за огромный личный вклад в спасение российских солдат, восстановление их здоровья. Выходит, многим участникам спецоперации он спас жизнь, будучи санинструктором, ведь награды просто так не дают.

А какие качества нужны связисту? Это организованность, решительность и профессионализм, которые позволяют ему эффективно обеспечивать надёжную и безопасную связь подразделений, способствуя успешному выполнению боевых задач. У Романа Закирова эти качества выработаны, благодаря спорту. Разве на баскетбольной площадке они не нужны?

Прежде чем подписать контракт, Роман взвешивал все «за» и «против». В конце концов, понял, что там он нужнее и принесёт больше пользы. Ему, как и другим, тоже бывает страшно, но страх не должен переходить в панику.

Чувствуется, что он устал и сейчас ему надо по-настоящему отдохнуть, подышать нашим здоровым осенним воздухом, набраться сил.

► – Если б там, в зоне спецоперации, у меня была возможность тренироваться, хотя бы в редкие минуты тишины... – вздыхает Роман. – А то ведь «птички» постоянно над нами, иной раз голову сутками не поднимешь. Сейчас наслаждаюсь, но всё равно по привычке постоянно смотрю на небо, не появится ли очередной дрон. Там, в зоне спецоперации, порой, бывает очень тяжело, но ручаюсь за своих друзей, не только связистов, но и других военных специалистов. Мы не отвернём и обязаны победить. В нас верят наши семьи и наши земляки. Мы уверены в своей правоте, а, правота придаёт силы.

Светлана Еловицова, фото автора

На открытии памятника ветеранам боевых действий в г.Оханске.

Сама себе судья

Вера Андреевна сравнивает себя сегодня не с оловянным солдатиком, а с неваляшкой: сколько бы ни старались её уронить, замазать в грязи и вырвать из неё жажду жизни, не получилось. Падала и тут же вставала.

Наше знакомство с Верой Андреевной не было случайным. Очень уж неординарным человеком она мне показалась. Несмотря на то, что никогда не видела её унывающей, в её глазах затаилась боль или печаль. Захотелось узнать о ней больше, и когда я однажды попросила поделиться пережитым, она подумала, а потом ответила: «Если я расскажу, не захотите меня знать, потому что вся моя жизнь – это борьба, борьба с собой, борьба с несправедливостью и, может быть, с тем укладом, что был в стране. Не думайте, я люблю Родину, огромную, многонациональную, готова хоть сейчас идти и защищать её, только не возьмут. Возраст у меня критический. Но почему Родина так незаслуженно обидела всю мою семью в четырёх поколениях?»

Блестящее будущее оборвала война

Дед и бабушка Веры Андреевны были из благородных. Правда, о них она знает мало, только то немного, что мать в приступе нежности иногда рассказывала. Дед, Сигизмунд Евсеевич, служил в посольстве Японии, был атташе. Бабушка, Муза Арсентьевна, родившаяся до революции - из дворянского рода. Она с детьми проживала в Ленинграде. Умерла, когда младшей дочке Софье было шесть лет. К девочке тут же приставили гувернантку. Мать оставила ей в наследство большую библиотеку, поэтому Софья очень любила читать, росла любознательной. И ещё ей нравилось танцевать, она изучила танцы многих народов мира. Прекрасно училась в школе, после её окончания поступила на юридический факультет.

Девушку ждало великолепное будущее. Но грянула война. Семнадцатилетняя Софья, как и многие её сверстники, побежала в военкомат. Отказали по возрасту. Недолго думая, она исправила в документе четвёрку на двойку. Таким образом, ей по паспорту стало уже 19 лет. Софья была очень худенькой, поэтому её зачислили в полк обслуживания города Ленинграда, где в основном были женщины и девушки. Выходили на дежурство парами, тушили фугаски, обходили квартиры, собирая детей, оставшихся без родных, доставали из подвалов трупы. Иногда трупы были настолько разложившимися, что от них

шла ужасная вонь, вызывающая рвотный рефлекс. Чтобы заглушить его, девчат заставляли курить, ведь респираторов не было.

Для Сониной ещё неокрепшей души было столько непонятных «открытий» в период блокады, что если бы такое ей рассказали в мирное время, ни за что бы не поверила.

Представьте себе мать с тремя детьми. Муж на фронте. Мать не может пойти на работу, потому что старшему из них всего седьмой год, а остальные и того меньше. Оставить их не с кем. А тут рождается ещё ребёнок, очень слабенький. Голод. Даже обои съедены, потому что вместо клея часто пользовались клейстером. Мать понимает, ей не выкормить малыша, он умрёт. Сама еле двигается, молока сразу не стало. И тогда она, чтобы сохранить жизнь старших ребят, пускает младенца на съедение. Конечно, об этом она не говорит детям, но они выжили, может быть, благодаря новорождённому братику. Какое же мужество надо иметь матери, чтобы так поступить? Не думаю, что людоедство процветало в блокаду, но в данном случае это была безвыходная ситуация.

Софья дивилась тому, как помогли вылавливать провокаторов и шпионов маленькие ленинградцы. Однажды мальчишка, выглядевший дистрофиком, увидел мужчину с ракетницей в руках и пошёл за ним. Тот поднялся на чердак и закрыл дверь изнутри. Понимая, что кричать бесполезно, мальчик громко замыкал, чем удивил мужчину, потому что всех кошек давно съели. Он открыл дверь и, увидев вместо кошки мальчика, пнул его так, что ребёнок перелетел через лестницу и потерял сознание. Мужчина, будучи уверенным в том, что паренёк мёртв, пошёл искать другое место. Но

мальчишка запомнил его, очнувшись, дополз до штаба и сообщил о случившемся. Того провокатора, пускавшего зелёные ракеты для врага, арестовали.

Политическая статья

Война кончилась. Софья начала работать на заводе, а по вечерам продолжила учёбу в институте. Она была очень активной, поэтому её избрали комсоргом цеха. Но кому-то активность девушки пришлась не по нутру. Комсомольцы во главе с ней следили за качеством, не было жидких лодырям и прогульщикам. Но провокаторов после войны ещё хватало. Однажды, пока она мылась в душе, ей в авоську кто-то подложил мину. На проходной девушку задержали. Так как она была не одна, а с группой сверстников, судили всех по политической статье. Комсомольцы не смогли доказать свою невиновность и получили различные сроки. Соне дали десять лет и отправили на север.

Её отец очень переживал случившееся. Он любил дочь и тоже не верил, что она преступница. Когда Сигизмунду Евсеевичу предложили отказать от дочери, а в противном случае выложить на стол партбилет, он сказал, что единственное преступление, которое совершила Соня, как он считает – исправилась в спорте дату своего рождения, чтобы бороться с врагом. Он предпочёл пожертвовать партбилетом, но не дочерью, которую не дождался из тюрьмы, умер раньше.

А Софья и в тюрьме носила вешала. Работала на лесозаготовках, как все, а потом готовила концерты с заключёнными. Её там и заметил майор внутренней службы. Она, не испытав ещё настоящей люб-

ви, потянулась к нему. Встречались тайно. Но, как оказалось, стены имеют уши. Когда её освободили по амнистии, майора за связь с заключённой по политической 58-й статье, уволили.

И поехали они искать счастья. Осели в одном из северных посёлков. Он стал егерем, целыми днями бродил по лесу. У них родились двойняшки, Аня и Миша. Правда, мальчик вскоре умер, а девочка осталась. Потом родился Вовка.

Муж погиб, случайно упав спиной на раскорчёванный пень и повредил позвоночник. Для Софьи это была настоящая трагедия. Она перебралась с детьми под Воркуту. Работала на железной дороге. Когда в посёлок приехал питерский мужик Андрей, она никому не дала шанса завладеть им. Её все женщины боялись. Во-первых, она – фронтовичка, во-вторых, бывшая зечка, зашибёт, с ней станется. Она боролась за любимого человека своими средствами, как могла. У них в семье родилась Вера, а позже и её младшая сестра.

Сам Андрей был очень музыкальным. Его приглашали на свадьбы, на разные вечера и праздники. Везде за игру подавали рюмочку – другую, а дальше всё шло без тормозов. Это его и сгубило. Он стал постоянно требовать деньги на спиртное. Если не удавалось заполучить, поднимал на жену руку. Терпеть Софья Сигизмундовна этого не захотела. Так и разошлись.

Первая любовь и первые разочарования

Дочь Софьи Сигизмундовны, Вера, с рождения здоровым не блистала. Она в три года толком не ходила, была очень слабенькой. Мать выходила её благодаря рождению младшей сестрёнки, кормила грудным молоком. И подняла ребёнка.

— Мать меня выходила, а воспитал, можно сказать, брат Вовка, — рассказывает Вера Андреевна. — Он был на восемь лет старше. Таскал везде за собой, научил материться, курить. Понятно, что положительной девочки-паиньки при таком воспитании из меня не получилось. Мне нравилось бегать с пацанами, играть в футбол и хоккей, лепить разные фигурки из пластилина и глины, рисовать. Я даже к местному художнику ходила учиться, жаль, он рано умер. Никакой профориентации у нас не было, поэтому я не знала, кем хочу быть. Нравилось многое.

Чем Вера могла гордиться, так это тем, что очень много читала и в детстве, и в юности. Читала запоем, даже отказывалась от еды. Потом у них в доме поселились практиканты из Тамбова. Девушка была ещё очень юной, но сердце затрепетало и потянулось к одному из поселившихся парней. Первая любовь.

В посёлке много было людей, освободившихся из мест заключения, не думавших о высоких материях, жили, кто как мог. А паренёк-практикант Вере казался принцем, совершенно не похожим на её окружение. Школа была в соседнем посёлке, до субботы она проживала в общежитии и с нетерпением ждала выходных. Гуляния под луной да поцелуи – вот и всё. Когда он уехал, казалось, весь мир рухнул. Как же девушка переживала, ей даже жить не хотелось.

А в том посёлке, где была школа, проживал местный авторитет. Его все боялись, и Вера – тоже. И надо было такому случиться, что он в неё, ещё девочку, влюбился. Проходу не давал, она бегала от него и никому не жаловалась. Однажды случилось непоправимое, он овладел ею и заставлял делать всё, что ему вздумается. Ей стыдно было поделиться своим позором, с кем бы то ни было, и она терпела все его прихоти.

Она понимала, в школе ей уже не место, хотя училась хорошо, благодаря прекрасной памяти. Пришлось уйти. Весь посёлок видел, что авторитет успокоился и нашёл себе подругу. Вера устроилась работать в столовую. Директор школы вызвала мать и всё ей рассказала. Та очень рассердилась и просто возненавидела свою дочь. А девушка по-своему любила мать, ничего не получая взамен.

— Однако когда брата Вовку посадили, а младшая сестра уехала учиться, маме пришлось жить со мной, я её и доходила, — с горечью вздыхает Вера Андреевна. — Всякое между нами случалось, она же была человеком властным, требовала, чтобы всё было так, как она хочет. Я тоже человек самолюбивый, мне не нравилось, когда мою свободу ограничивали. Ссорились. Она умерла в 52 года, была весом более сотни килограммов, но очень подвижная, так как прекрасно танцевала. После её смерти я нашла военные награды, документы. Оказывается, она получила ранение во время блокады, а ведь ничего не говорила.

Того парня-авторитета Вера всё равно боялась, хоть и продолжала с ним изредка встречаться. Ей казалось, если порвёт с ним отношения, парень её убьёт. С опаской ходила по улицам, стараясь не попадаться ему на глаза. Но всё когда-то кончается. Авторитет однажды выследил её, налетел сзади на пустынной улице, повалил на землю и начал пинать, куда нога попадёт. Веру спасла счастливая случайность. Мимо шёл ЛЭПовец Антон, он и заступился за девушку, потом привёл её к врачу. Понятно, что избивание получило огласку. Вера потеряла тогда своего первого ребёнка, одно радовало – не будет у неё потомства от такого изверга. Но авторитета посадили всего на 1,5 года.

Первый срок

Антон, тем временем, тоже начал проявлять к спасённой им девушке знаки внимания, ухаживал, потом объяснился. Парень вёл линию ЛЭП через посёлок, был положительным во всех смыслах. Она его не любила, тем не менее, согласилась выйти за него, считая, что со временем сможет полюбить по-настоящему. Ей было всего 18 лет, а она уже столько испытаний прошла, поэтому мечтала о спокойной жизни.

— Не получилось у меня спокойной жизни, — вздыхает снова Вера Андреевна. — Очень скоро после женитьбы Антона призвали в армию. Потом в Афганистан отправили, а меня поставили на учёт по беременности. Уже из Афгана он написал мне, чтобы я жила у его родителей в Краснодаре.

Поехала туда. Родила сына. Свёкор оказался золотым человеком, он был рад внуку, закатил пир на весь мир, помогал мне во всём. А свекровь постоянно ставила «палки в колёса», не ко двору я ей пришлась. Я поняла, для неё своей никогда не стану, воспитание у меня не то. Забрала ребёнка и уехала обратно в свой посёлок работать на железной дороге. Яслей у нас не было, поэтому приходилось оставлять малыша одного. Прибегала к нему урывками, кормила и уходила снова. Когда ребёнку 1,5 года, он везде лезет, постоянно выгребал золу из печки, порой был похож на негрителка. Когда Антон возвратился из армии, во мне всё перевернулось, как ни крути, а он отец моего ребёнка.

И снова встал вопрос, жить им вместе или всё-таки расстаться. Вера выбрала второе. Но какое-то время они продолжали жить под одной крышей. Муж настаивал на возвращении в Краснодар, но она не хотела снова попадать под власть свекрови, поэтому тянула время.

Вера была человеком великодушным, бросалась на помощь любому, прав он или виноват. Однажды к ним в дом, который находился рядом с магазином, вошёл человек и сказал, что без очереди купил бутылку водки, «языком сцепился» с местными, и теперь они ему угрожают. Просил помочь от них скрыться. Вера выглянула в окно. Напротив, действительно, толпилось до десятка молодых парней. Они, видимо, ждали мужика, чтобы с ним расправиться.

Вера знала, за сараями — тупик, из которого можно выбраться на соседнюю улицу через лаз в заборе. Антон

ещё не пришёл с работы, поэтому, оставив сына одного, она повела мужика за сарай. Когда вышли к лазу, нежданный гость вдруг схватил женщину, пытаясь повалить её на землю. А она была не робкого десятка, да и силушка в ней водилась немалая. Так врзала ему под челюсть, что мужик опрокинулся навзничь. В ней ярость пробудилась, она пинала его, куда попало. Вспомнила при этом своего ухажёра-изверга, в этот момент ничего не понимала, как сейчас говорят, была в состоянии аффекта.

Очнувшись, когда мужик уже не стонал и не шевелился. Сама прибежала в поселковую больницу и просила помочь. Через три дня мужчина умер. Женщине дали год тюрьмы за то, что она отставала свою честь. Как потом объяснили, не по той квалификации судили.

Пока она находилась в тюрьме, Антон забрал сына и уехал с ним в Краснодар, к родителям. Их развели заочно. Срок Вера не отсидела, попала под амнистию. Это было, кстати, так как она была снова на последнем месяце беременности.

Очень скучала по сыну, хотелось хоть одним глазком взглянуть на него. Решилась в таком положении на поездку в Краснодар. Добралась, но свекровь её даже на порог не пустила, больше никого дома не было. Униженная таким приёмом женщина пошла в парк, села на скамейку, и перед глазами всё поплыло. Обмороч. Добрые люди вызвали скорую помощь, которая доставила её в роддом.

Родилась Надя. Чтобы не сидеть, сложа руки, Вера стала работать санитаркой в больнице, ведь средств к существованию никаких, а надо было возвращаться к себе. Прочитала в газете, что в одном из северных районов требуются рабочие руки и предоставляется жильё. Для детей есть ясли и детский сад. Она поняла, сына ей не отдадут, надо хоть дочку вырастить.

Преступление

В новом посёлке всё шло неплохо. Вера работала. Она была стройная, с копной русых волос, в то же время очень жилистая. На неё и там мужики заглядывались. В своём доме без мужских рук трудно, поэтому отдала она предпочтение одному всеёлому украинцу, отец которого в войну служил бандеровцам, и был за это осуждён. Но о войне вспоминать не хотелось, жизнь брала своё.

Зарегистрировались. Всё бы ничего, но в состоянии опьянения новый муж становился неуправляемым, глаза его наливались кровью. Более того, ему надо было в этот момент «кулаки свои почесать». Он их испытывал на жене, избивал её до полусмерти, правда, лицо не трогал, зато тело её было всё в подтёках. Она терпела-терпела, и однажды не выдержала у неё нервы. Схватила топор и ударила обухом дебошира по голове. Рана получилась приличная. Сама же вызвала врача. Муж дал слово

больше не пить, когда вышел из больницы.

Вера успокоилась, но как только муж снова пошёл работать, про данное им слово забыл. А жена, завидя его злые глаза, старалась уйти от расправы. Она боялась за себя, за дочку, но больше всего за не родившегося ещё ребёнка. Она чувствовала, что в ней опять зародилась новая жизнь.

Во время очередной пьянки мужа, она не успела никуда уйти, и он начал наступать на неё, сжимая кулаки. Она выскочила в сени, схватила тот же самый топор, который уже проходил по голове мужа, и, не глядя, ударила им раз, другой, третий. Удары пришлись уже не обухом, а остриём. Вера испуганно наносила удары один за другим, ничего не соображая. Кровь хлестала во все стороны. Это как надо довести женщину, чтобы она совершила такое? Да, преступление, Вера это понимала. Когда пришла в себя, сама же вызвала милицию.

— У меня наступило полное опустошение, — делится Вера Андреевна. — Почему именно со мной произошло такое? Сына забрали, сейчас и Надю отправят в приют, как сироту, а я ношу под сердцем ещё одного ребёнка. Я чувствовала всю безысходность ситуации. Присудили мне девять лет тюрьмы за убийство. Никакие положительные характеристики не помогли. В зоне у меня родился сын. Какое-то время он был со мной. Я несла свой крест, как могла, старалась не попадать ни в какие истории, чтобы заслужить право выйти хотя бы на поселение. И вдруг до меня дошла весть, что нет больше моей Надюшки, она поизбла от рук злой бабы, которая была её скрученным шнуром за непослушание. И снова для меня мир рухнул. Я за одну ночь стала седой. Ничего не хотелось. И даже к сыну охладела. А он был в тяжёлом состоянии, у него отказали почки. Это у такого-то маленького? Мальчишка слабымким родился, как и я когда-то, долго не ходил. К тому же, одна почка оказалась отбитой, неживой. Выходит, это муж сделал, когда пинал меня в живот, чуть не уробив собственного сына. Я понимала, что я — убийца, у меня на свете теперь только сын, да и тот полуинвалид. Но когда впервые увидела, как он ко мне бежит, переваливаясь,

протягивая ручки, не передать, что в моей душе творилось. Это мой сын, только мой и ничей больше!

Место жительства — Оханский район

Вера неплохо рисовала, поэтому оформляла в тюрьме всё, что было нужно, зарабатывала, как могла, чтобы ребёнку в детдом что-то отправить. Передавала всё через вольнонаёмных. Мечтала о поселении, но её не отпускали. Она была нужна в тюрьме, как художник-оформитель.

И всё-таки счастье улыбнулось женщине, когда её перевели в другой отряд. Тюрьма готовилась к смуте, ждали высокопоставленных чиновников. И старшая надзирательница выдвинула условие: если Вера сможет привести в порядок территорию отряда, чтобы он попал хотя бы в тройку или пятёрку лучших, то вопрос о переводе на поселение можно будет решить. Вера сумела подготовить людей. Перед смотром вместе с ней все красивые столы, писали плакаты — готовились серьёзно. В результате — первое место!

— Перевели меня на поселение, — вспоминает Вера Андреевна. — Работала на ферме. Навела там порядок, привесы давала большие. Была у меня мечта — съездить в детдом и самой сынишку в первый класс отвести. Очень надеялась, но мечта оказалась призрачной. Меня не отпустили. Помню, тогда я сорвалась, но мне это простили.

После освобождения Вера съездила за сыном, и местом её жительства стала одна из деревень Оханского района. Привычной была работа на ферме, пока она не развалилась.

С коллегами и соседями почти не разговаривала, жила сама по себе, от одиночества пустилась во все тяжкие — пить начала. В течение пяти лет надрывала печень, и она не выдержала. Женщина стала не похожей на себя, боялась в зеркало взглянуть, распухла, покрылась пузырями... Сын рос рядом, но тоже сам по себе. После окончания основной школы поступил в Большесосновское ПУ.

И в это время ей вдруг предложили работу в сельской библиотеке. Вера Андреевна была благодарна человеку, который увидел в ней потенциал, но сомневалась, утверждал ли её с такой биографией.

— Я с того времени очень

спешила жить за потерянные годы, — признаётся Вера Андреевна. — Рисовала стенные газеты, выезжала с группой активистов в многодетные семьи, участвовала везде, где могла пригодиться. И, видимо, надорвалась, устала. Ничего не хочется. Ничего не надо.

Тихое счастье

Пришло и к Вере Андреевне тихое счастье. Однажды встретила Георгия, у которого руки растут отсюда, откуда положено, сама к нему пришла и никому не отдала. Когда-то её мать так же поступила — яблочко от яблони недалеко падает. Всякое случается в семейной жизни. Бывало, поссорятся, выгонит его, а он всегда обратно возвращался. Тридцать лет они вместе, им теперь сам чёрт не брат.

— Оглядываюсь на своё прошлое и удивляюсь, как я могла столько всего выдержать. Видимо, хорошее воспитание получила от брата. Пусть жёсткое, но справедливое. Выходит, крепкая моя порода. Родных у меня не осталось. Одна из всей семьи, да и моя жизнь к закату клонится. О своём никчёмном прошлом особо не распространяюсь. Всё, что я сделала, не поправить. Я встала на защиту своей чести, потому что ни милиция, ни общественность пальцем не пошевелили, чтобы за меня вступиться, только наблюдали со стороны и ждали исхода. С высоты сегодняшнего дня считаю — поступила правильно, пусть не лезут. Для меня всегда детский клич: «Наших бьют!» был правилом жизни. Знаю, во мне много доброго заложено: могла стать профессиональной спортсменкой по стрельбе или хоккею, может, и актрисой, при благоприятных условиях получила бы хорошее образование, у меня была бы куча детей. Теперь старость рядом ходит. Правда, я её к себе не впускаю. Внешне хоть и выгляжу неважно, седую голову никакой краской не закрасишь, но внутри чувствую силу. Много читаю и перечитываю, не только книги, но и журналы всякие, телевизор по вечерам смотрю с мужем, хозфильмом занимаемся. Что нам ещё надо? Из деревни выезжаем редко. В соседях живут бабушки, помогаем им, чем можем. О своей судьбе им не рассказываю. Зачем? Чтобы судили до рядилки? Я сама себе судья. Есть официальная бумага, что обвинения с меня сняты. Жалости по отношению к себе не принимаю, слишком многое в жизни познала, чтобы тратить время на слёзы и сопли. Сравниваю себя не с оловянным солдатиком, а с неваляшкой: сколько бы ни старались меня уронить, замазать в грязи и вырвать из меня жажду жизни, не получилось. Падала и тут же вставала.

Сегодня Вера Андреевна живёт тихо, ничем не выделяясь из круга других пенсионеров деревни. И рада бы, как прежде, что-то сделать неординарное, да здоровье не позволяет.

Светлана Еловицова

ЭХО ВОЙНЫ В СЕРДЦЕ КАЖДОЙ СЕМЬИ

Юрий Петрович вышел из машины и направился к дому, где обычно снимал квартиру, приезжая в Москву. Он предпочитал ходить пешком, но в тот день, как ему казалось, слишком гулко стучало сердце, поэтому решил не искушать судьбу и взял такси. Подобное состояние приходилось испытывать не раз, но всегда удавалось путём саморелаксации приводить организм в норму.

Он не дошёл до перекрёстка, когда прямо перед ним остановился милиционерский ГАзик. Юрий Петрович начал его обходить и увидел, как человек в милиционерской форме распахнул, насколько возможно, переднюю дверцу, и оттуда вышла красивая женщина уже немолодая, но чертовски привлекательная. Юрий Петрович мог поклясться, что это Туся, та самая Туся, что встретила его на дорогах войны и шла рядом до самой Праги, а потом взрыв уничтожил дом, где временно жили медсестрички полевого госпиталя.

Юрий

Молодой лейтенант ускоренного выпуска ехал на фронт, как на праздник. Ему казалось, все должны быть радостными, несмотря на то, что идёт война, ведь целый эшелон едет на фронт защищать Родину. Это ж какая силища! Так он думал, а на самом деле один эшелон был всего лишь каплей в океане огня, взрывов и сражений.

После того, как проехали город Горький, всё чаще и чаще над эшелонем в небе начали появляться немецкие самолёты. По ним палили из пушек, и они, сбросив бомбы, где придётся, улетали восвояси. Ближе к Дону обстановка обострилась. Дони-мала жара, и лейтенант в своей новенькой хрустящей форме чувствовал себя, как в панцире.

— Парень, как звать-то тебя? — спросил старый солдат в видневшейся ему гимнастёрке, — а то едем который день рядом, а ты всё молчишь, да улыбаешься. Прости, что не по уставу обращаюсь, ты ж мне во внуки годишься.

— Юрой меня зовут, — ответил негромко лейтенант.

— Ну что ж, Юра — это хорошо, у меня сына тоже Юрой звали.

— Он погиб?

— Да нет, утонул за год до войны. Нешто б я пошёл воевать, если б Юрка был жив? Пришлось мне в руки винтовку брать, в доме остались баба моя да девки, их пять штук. Вот и подумай, кто их защищать должен, если не я. Не хотели меня брать, да я сам напросился. Никогда род Терёхиных от войны не увиливал. Можно сказать, военкомат пришлось измором брать.

На кой ляд мне ихняя броня, если я в Гражданскую с тачанки по врагу стрелял. А звать меня Максимом Савельичем. После ранения опять вот еду на фронт.

Юрию понравился словоохотливый солдат. От него веяло какой-то надёжностью и домом. Захотелось, чтобы и воевать им пришлось вместе.

На очередной остановке приказали выгрузиться из вагонов и строиться. После переклички всех разбили на роты и взводы, представили командиров и комиссаров. Молодого лейтенанта Юрия Каменского назначили взводным. Когда командир спросил, есть ли у кого-то из прибывших вопросы, Юрий попросил перевести в его взвод Максима Савельевича Терёхина.

— Он тебе что, родственник? — ехидно поинтересовался командир.

— Так точно, родственник, — чётко ответил лейтенант.

— Тогда другое дело. Воюйте вместе, — согласился командир.

Взвод занял места в окопах, где ещё не так давно сидели итальянцы, месяц назад их выбили, они так торопились, что «забыли» не только полевую кухню, но и кое-какое оружие. Немцы с помощью румынских и итальянских солдат пытались ослабить Красную Армию со стороны юга, а сами напрямую шли на Сталинград. Только союзники оказались не подготовленными к таким тяжёлым боям, поэтому легко отходили.

В декабре Красная Армия подошла к Сталинграду. Юрий постоянно следил за Максимом Савельевичем, чтобы тот лишней раз не рисковал, а старик оберегал лейтенанта, как сына.

Туся

Однажды, уже на подступах к Сталинграду взводному представили новенькую медсестру. Юрий аж захлебнулся от возмущения. До неё с ними работал медбрат Никита, жил с автоматчиками в одном блиндаже, а теперь для девушки надо что-то отдельное соорудить. Погиб Никита, получил удар ножом, когда пытался остановить труса, про-

Свет далёкой звезды

В течение полувека после Победы в Великой Отечественной войне погибшая жена была для него светом далёкой звезды, до которой невозможно дотянуться. И вдруг он увидел её живой и невредимой...

стрелившему себе ногу и мечтавшему о тыловом госпитале.

Лейтенант слишком долго изучал документ медсестры.

— Товарищ лейтенант, там что непонятно написано или Вы буквы забыли? — дерзко спросила девушка.

— Я ничего не забыл, а вот Вы, видимо, забыли, где находитесь, товарищ сержант медицинской службы, — сказал так строго, что самому стало неприятно.

— Максим Савельич, отдели-те в своих апартаментах девушке уголок и закройте всё плащпалаткой, чтобы она могла укрыться от любопытных глаз.

— Есть, товарищ лейтенант! — с готовностью ответил дед и повёл медсестру в свой блиндаж.

Вечером Юрий представил медсестру взводу. Бойцы, конечно, заулыбались, приосанились. В документе у неё было написано: Наталья Фёдоровна Ножкина, а ребята сразу её окрестили Тусей. Она не протестовала, ведь родители её тоже называли Натой или Натусей.

Кто воевал, знает, насколько тяжело девушкам среди мужчин, всякое бывало. И во взводе лейтенанта нашли охочие до девичьего тела особи. Следило, когда она отправлялась за медикаментами в медсанбат, стараясь встретить её раньше других. Савельич, заметив это, стал провожать Тусю и встречать. К ним в блиндаж начали то и дело заходить в гости бойцы просто так, а сами ждали, когда выйдет Туся.

— Вот что, товарищ лейтенант, — сказал однажды Савельич. — Провожать и встречать Тусю ещё, куда ни шло, а вот в блиндаже бороться с молодыми мне не пристало. Они ведь так и лезут, как кобели. Возьми её к себе, я помогу уголок отделить. Она тебе не помешает, скромная девушка и в строгости себя держит.

Ничего не оставалось, как согласиться со стариком. К вечеру новое место для Туси было готово. Юрий нарочно пришёл как можно позднее, чтобы не смущать девушку.

Утром начался бой. Снаряды летели со всех сторон. Снежное поле было усеяно убитыми и ранеными. Туся едва успевала перевязывать бойцов, потом таскала их в безопасное место и бежала дальше оказывать помощь. Потом надо было быстро доставить раненых в медсанбат. Погрузили бойцов на лошадь, за возничего и охранника Туси поехал Савельич.

На обратном пути перед ними неожиданно возникли три человека, явно не из их части, остановили лошадь. Тот, что постарше, приказал связать деда, а сам направился к Тусе. Она боролась, как могла, а Савельич изо всех сил старался выпутаться из верёвки, и когда ему это удалось, набросился сзади на старшего с криком: «Никто ещё с кузнецом Терёхиным не мог

справиться!» Он хорошо припечатал мужика и взялся за двух остальных. Один из них побежал и успел выстрелить. Второго старик связал вместе с первым, который не мог ещё очухаться от удара Савельича. Старик, что называется, был на взводе и не заметил, что Туся сидит, не двигаясь.

Когда добрались до места, Савельич доложил о происшествии. Юрий приказал привести к нему чужих молодчиков. Это оказались бойцы штрафбата из воинской части, что стояла с левого фланга. Телефонист связался с командиром и узнал, что действительно во время боя ни среди мёртвых, ни среди живых не нашли трёх человек. Он пообещал, что через полчаса пришлёт за ними транспорт.

Максим Савельич пошёл к лошади и увидел, лежавшую в санях, Тусю. Лицо её было бледным. Он растормошил девушку и понял, что она ранена. Тот паршивец, что убежал, попал ей в ногу, а она промолчала.

— Туся, тебя в санбат надо, — сказал старик. — Давай, я доложу и поедем.

— Не надо, Савельич, всё в порядке. Пуля прошла навылет. Помоги мне добраться до места. Он принёс горячую воду. Туся промыла рану и перевязала.

Савельич только тогда и сказал Юрию, что медсестра ранена. Лейтенант бегом бросился в свой блиндаж. Осторожно заглянул за плащпалатку. Туся спала, раскинув руки. Вся она была настолько беззащитна, что лейтенанту стало жаль её. Совсем ещё девчонка, ей бы в классики играть, а она на войне. Он забыл, что сам-то одноклассник с ней, и тоже на войне.

Взрыв в Праге

Туся быстро оправилась от ранения. Были бои, была победа в Сталинградской битве. Армия пошла дальше. В Молдавии был ранен серьёзно Юрий. Туся со слезами на глазах провожала его в тыл, не надеясь на встречу. А лейтенант, будучи без сознания, ничего не видел и не слышал вокруг.

Вскоре Тусе и Савельичу вручили медали «За отвагу», а Юрия наградили орденом Славы, который он получил уже в

госпитале. До этого у всех троих уже были награды за Сталинград.

Медкомиссия не хотела отпускать молодого лейтенанта на фронт. Ему предлагали места в учебных центрах, но парень рвался в свою часть. Врачи беспokoились, не сойдёт ли на нет операция, ведь осколок застрял у него возле самого сердца. В течение нескольких часов Юрий был между жизнью и смертью, усилила докторов и молодость пациента одержали в этой схватке победу.

Догнал Юрий свою часть в Румынии. Теперь он был капитаном. И Туся стала уже лейтенантом медицинской службы, в её подчинении тоже находились люди.

— Наконец-то! — вымолвил Максим Савельич. — А то Туся вся извелась. Ты теперь уже не взводом будешь командовать. Забирай Тусю с собой и родным напиши, что женился, мол, прошу любить и жаловать. А я, честно говоря, хотел видеть тебя зятем, у меня же пять девок. Что поделаешь, такова жизнь.

В тот вечер и состоялся между Юрием и Тусей обстоятельный разговор. Она призналась, что любит его, а он, в свою очередь, не отрицал, что выпросился на фронт тоже ради неё. Командир дивизии выписал им временное свидетельство о браке, и война пошла своим чередом.

Перед Берлином армию повернули в Прагу из-за восстания. Когда всё было окончено, хотелось умыть руки и скорей ехать домой, на родной Урал.

В Праге они узнали, что Берлин взят. Все стреляли вокруг, смеялись, прыгали. В тот момент Туся призналась, что беременна. Она побежала к своим медсестрам. И тут раздался взрыв такой силы, что всех, кто находился рядом со зданием, разбросало в разные стороны. На месте, куда уходила Туся, было всё разрушено. От взрыва ранило Савельича в голову, Юрия — в спину. Пока несли их на носилках к машине, капитан, прошедший войну, плакал, как ребёнок. Была жена, и нет её, был ребёнок, но ему не суждено родиться из-за проклятого взрыва.

Продолжение в следующем номере.

Светлана Еловицова

ЭХО ВОЙНЫ В СЕРДЦЕ КАЖДОЙ СЕМЬИ

Свет далёкой звезды

Окончание. Начало в №18.

Лечились друзья в Горьковском госпитале, а долечиваться их отправили в Молотов (Пермь). Долго отходил Юрий от шока. Доктора боялись за его психическое состояние. А Савельич выдюжил, вылечился. За ним приехали жена и младшая дочка.

— Вот, Юра, моя вторая половина, познакомься. Приезжай к нам, будем рады, ведь ты мне как сын. А это, получается, сестрёнка твоя младшая Дунюшка, ей 15 скоро будет.

Лес вылечил

Много месяцев реабилитации проходил ещё Юрий. Списали его, вручив «белый билет», хотя его одноклассники продолжали служить и после войны. Вернувшись домой, нисколько не удивились вопросу, почему один без жены. Рассказал матери всё, как есть.

— Бедный ты мой ребёнок. Войну закончил, а жену потерял. Ничего, Юра, отойдешь, невесту тебе подыщем и заживём на радость всем врагам, — успокаивала мать.

— Не нужна мне никакая радость. Скорей на работу, чтобы забыться, — ответил сын.

— Что же ты раскис, как кисейная барышня? — взорвалась мать. — Многие семьи свои потеряли, детей их увезли в концлагеря, а живут. Тебе всего 23 года, ты не в плену, не в лагере, а дома. Так найди в себе силы, чтобы жить, а не ныть.

Юрию хотелось побыть одному, поэтому поехал он в областное управление лесного хозяйства и попросился в один из районов на место лесничего. Просьбу его удовлетворили и выписали направление в посёлок Усть-Пизя. Он уехал, а мать оставил в Юго-Камске. Он вставал утром и после завтрака шёл в лес. Ему нравилась тишина.

Через несколько лет съездил к Савельичу в гости. Тот быстро нашёл тему для разговора и пошла беседа однополчан, пока старшая дочь старика не позвала за стол.

— Осиротел я, Юра, — вздохнул друг. — Жена год назад померла. Теперь вот с Аннушкиной семьёй в доме живу. И то не один. Остальные девки у меня тоже замуж повыскакивали, внуков мне привозят. А ты как?

— У меня всё хорошо, — ответил Юрий. — Работаю лесничим у чёрта на куличках, дружу с медведями, зайцами, лисами, с пернатыми тоже дружу. Разговариваю с ними, вот как с тобой. Они слушают.

— А матушка твоя где?

— Она в посёлке Юго-Камском живёт. За тёткой ухаживала, пока я воевал, похоронила её, да так и осталась в том доме. Не привезу же я её в лесные апартаменты, если там и поговорить ей будет не с кем. Скоро десять лет, как в лесу работаю. Научу кого-то из местных и переберусь к матери, вроде, отпустила меня душевная боль, теперь по-другому всё воспринимаю. Лес вылечил.

— А я вот на небеса собираюсь, к Марусе моей. Чувствую, немного осталось. Завёлся у меня внутри какой-то микроб,

которого не научились ещё лечить наши врачи. Я и в Челябинск ездил, и в Барнауле был, в Новосибирск отправляли, да всё без толку, говорят — неизлечимо.

— Постой, подожди, Савельич, мы же с тобой ещё ни разу за Победу нашу не выпили, а ты умирать собрался. Приезжай ко мне, лес и тебя вылечит.

— Мне и лес не поможет. А вот за Победу сейчас и выпьем. Правда, мне запретили спиртное строго-настроено, но раз такое дело, я не против.

Чудесное спасение

А Туся была жива и здорова. Она тогда, в Праге, вместо того, чтобы забежать в дом, увидев открытую дверь в подвал, заскочила туда, чтобы узнать, нет ли там раненых. В этот момент наверху раздался взрыв, дверь завалило. Подвал, который служил убежищем, не пострадал. Несколько часов Туся разгребала руками кирпичи, чтобы выбраться наружу. Когда ей это удалось, она спросила у слушающих трофейной команды, где военные, что стояли на площади. Ей сказали, что все, кто стоял близко к дому, погибли, их увезли в братскую могилу. Дошла она и до братской могилы, которую уже закопали, на кресте, сбитом на скорую руку, ни имён, ни фамилий.

Через месяц после Победы Наталья Фёдоровна Каменская вернулась домой. На её гимнастёрке были ордена и медали, в последний год войны награды сыпались, как из рога изобилия. В Подмоскovie легко было затеряться. Туся спрянула гимнастёрку и устроилась на хлебопекарню. Пусть с добавками всякими был хлеб, но всё же хлеб, а не суррогат.

В конце сентября на свет появилась дочка. Туся назвала её Ириной, что означало мир. С девочкой водилась бабушка, пока мама была на работе. Отец Туси очень хотел дожидаться единственную дочь с войны, но не повезло ему. Весной 45-го шёл по улице, на него с высотного дома съехала с крыши глыба снега вместе с сосульками, похоронив его. Когда откопали, сразу увезли в морг.

Так и жили втроём. К Тусе сватались вдовцы и бывшие фронтовики, всем она отказывала.

— Натуся, ты прямо, как твой отец-однолюб, — вздыхала мама.

— Mam, но ты тоже от него недалеко ушла, — отвечала Туся. — Сосед по пятам за тобой ходит, а ты как будто не видишь.

— У меня возраст не тот, чтобы оглядываться, мне ещё внучку надо чему-нибудь научить, да и тебя поддержать, пока могу.

Больше разговора о замужестве они не заводили. Туся поступила в медицинский институт, стала хирургом. Иринка с детства тоже отдавала предпочтение медицине, постоянно играла в больничку. В то же время лечила кошек и собак, что бегали вокруг. После окончания школы, на удивление и бабушке, и маме, поступила в Московскую ветеринарную академию.

Таких совпадений не бывает

Юрий Петрович взглядом проследил, куда зашла женщина из машины, это был обычный ветпункт, где лечили животных. На следующий день он целенаправленно пошёл туда же.

В коридоре никого не было. Наконец, дверь ближнего к нему кабинета открылась, оттуда вышла девушка, он спросил, не работает ли у них женщина по фамилии Каменская.

— Нет, такой фамилии у нас никогда не было.

— Но она вчера к вам сюда заходила, я видел, — Юрий Петрович судорожно полез в карман и достал фотокарточку, на которой Туся сидела рядом с Савельичем и улыбалась.

— Так это же Ирина Юрьевна! Как ей форма идёт! А Вы кто ей будете? — строго спросила она. — И где Вы взяли фотокарточку?

— Мы воевали вместе, а потом потерялись.

— Ха, значит, воевали вместе? Да наша Ирина Юрьевна после войны родилась. Знаете, кто она? Декан ветеринарии. К нам приезжает, если нужна консультация. А муж у неё начальник городской милиции.

Юрий Петрович забрал фотографию и вышел на улицу. Он знал, куда теперь ему идти. В голове зрел один вопрос, если чудо случилось, и Туся осталась жива, то каким образом? От дома ничего не осталось, кроме руин, в общем, вопросов больше, чем ответов.

В академии он подошёл к гардеробщице, вот кто всегда и всё знает о сотрудниках. Спросил, где найти Ирину Юрьевну.

— Так она, милок, ещё сегодня не бывала, может в командировку отъехала или в военном городке с собаками возится. Подождите, может, придёт.

Юрий Петрович ждать не стал, номер своего домашнего телефона попросил гардеробщицу передать Ирине Юрьевне и ушёл. Бесцельно бродил по городу, вспоминал лучшие моменты своей жизни с Тусей. Он считал, что таких совпадений не может быть, чтобы и лицо, и волосы, и ямочка на левой щеке были точно такими, как у его жены, погибшей полвека назад. Да и отчество смущало.

На другой стороне улицы увидел киоск Мосгорсправки. Как раньше не догадался, туда обратиться? Наталью Фёдоровну Каменскую найти не удалось, а адрес Ирины Юрьевны Загорской ему дали. Она жила в пригороде.

Семья в сборе через 50 лет

Весь вечер и следующий день он ждал звонка от женщины. Он не обращал уже внимания на своё состояние, настолько ему хотелось побыстрее распутать клубок случайностей, с которыми он столкнулся. В выходной день, так и не дождавшись звонка, поехал на указанный в справке адрес.

Посёлок был дачного типа, дома окрашены в разные цве-

та. Юрий Петрович зашёл в магазин и спросил, где дом Загорских. Молодая продавщица показала ему в окно улицу и сказала, что дом у них голубого цвета и с зелёной крышей. Каменский шёл, как на Голгофу, боялся, что его не поймут.

Возле дома присел на скамеечку и стал ждать, когда кто-нибудь выйдет. Никто не вышел, зато подъехала машина, за рулём сидела та самая женщина, из-за которой человек потерял покой.

— Ирина Юрьевна, — обратился он к ней, когда она подходила к калитке. — Можно с Вами поговорить? Я заходил в академию, но Вас не застал.

— Да, мне передали номер телефона, но я не помню, куда его положила, — вымолвила она смущённо. — Дел много и бумаг куча, извините. Давайте поговорим дома, если Вы не против, я очень устала.

Они поднялись на крыльцо, вошли в дом. Из кухни выглянула молодая женщина, видимо, домработница, и сказала, что к обеду всё готово.

— Вначале пообедаем, а потом поговорим, — сказала хозяйка не терпящим возражений тоном. — Мойте руки, а я пока переоденусь.

Потом они сидели за столом, говорили о том, о сём, Юрий Петрович не касался основной темы.

Уже, сидя в маленькой комнатке, где, кроме кровати, небольшого столика и двух стульев, ничего не было, Каменский достал фотокарточку Туси и показал Ирине. Она широко открытыми глазами смотрела то на фото, то на гостя.

— Это же моя мама! — наконец воскликнула она. — Кто Вы? Её однополчанин? Она говорила, что всех потеряла чуть ли не в День Победы.

— Я, Юрий Петрович Каменский... — он не успел договорить, как Ирина подскочила на месте и бросилась к телефону. Потом вернулась и сказала разочарованно:

— У мамы экстренная операция, тревожить нельзя.

— А что с ней, может, помощь нужна? — заволновался Юрий Петрович.

— С ней всё в порядке, она хирургом работает, — засмеялась Ирина. — Никак на пенсию не может уйти с любимой работы. Мама говорила, что Вы погибли в Праге и похоронены в братской могиле.

— Получается, что Вы моя дочь? — у Юрия Петровича затряслись руки. — Такого подарка от судьбы он никак не ожидал.

— Да, в моём свидетельстве о рождении указаны именно Вы.

Отец и дочь разговаривали, смотрели альбомы и даже не услышали, как вернулась домой Туся.

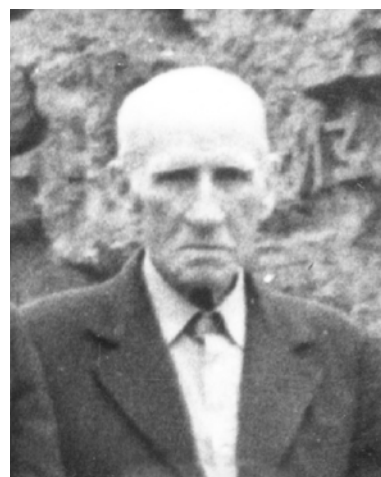
— Ирочка, если я сейчас не съём что-нибудь, считай меня трупом, — крикнула она.

— Mam, подожди умирать, у нас сегодня гости, — громко ответила ей дочь и вышла из комнаты. — Ты поешь, а потом я вас познакомлю.

Минут через десять Туся вошла к ним. Поглядывая на Юрия, однако на её лице не отразилось никаких эмоций. Перевернула взгляд на дочь, мол, давай, знакомь.

— Мама, это Юрий Петрович, — сказала Ирина.

— Я его оперировала? — Хирург внимательно посмотрела на незнакомого человека, её поразили глаза, когда-то она их виде-

ла, но где и при каких обстоятельствах?

В отличие от Туси Юрий Петрович выглядел намного хуже. Обрюзг, отратил короткую бородку, плечи тянули вниз. Он в этот момент понимал — надо наступать, как на фронте. Взял в руки фотокарточку и протянул Тусе. Она взглянула, и лицо её покрылось румянцем.

— Ой, Савельич! Милый мой ангел-хранитель, — глаза её повлажнели. — Где Вы взяли фото?

— Туся, неужели во мне ничего не осталось от капитана Каменского? Понимаю, 50 лет никого не омолодили, сегодня я — старик против тебя.

Женщина-хирург, спасшая не одну тысячу людских жизней, вдруг начала тихо сползать по стене. Он подхватил её и аккуратно посадил на стул.

— Мне сказали, что ты погиб, Юра.

— Так и я видел, как ты погибла во время взрыва, а нас с Савельичем тогда тяжело ранило. Все годы ты была для меня, как свет далёкой звезды, до которой невозможно дотянуться.

— Ирочка, это твой отец, — с придыханием обратилась она к дочери. — Один взрыв разлучил живых людей.

Шумно было в доме до самого вечера. Приехал муж Ирины, потом их сын со снохой и внуком, заглянули на огонёк соседи.

Послесловие

Юрий Петрович мог бы навсегда остаться с родными людьми, но не имел морального права. В 1988 году, после очередной операции на сердце, которую делали в Москве, ему нужна была сиделка. На помощь пришла медсестра из местной больницы, которая стала не только сиделкой, но и доктором для него, все эти годы следила за его здоровьем. Когда она решила перебраться из Юго-Камска в Оханск, Юрий Петрович последовал за ней. Купили дом на двоих. Не мог он оставить её одну, слишком сильно покрутила её жизнь в молодости с мужем-извергом, лишив её возможности даже иметь детей. Всё это он рассказал Тусе и дочери. И родные люди его поняли.

— Сейчас я приехал на очередную консультацию в Москву, по два раза в год езжу, — объявил Юрий Петрович своё появление в столице. — Через неделю надо домой возвращаться.

— Можно будет к тебе приехать и хоть одним глазком посмотреть, как ты живёшь? — спросила дочь.

— Приезжайте, все приезжайте, места хватит, а знаете, кто моя сиделка? Младшая дочка Савельича — Дуняша. Так случилось. Но это уже совсем другая история.

Светлана Еловикова